V 12/1139.

К. Д. Мачаваріани.

V 12/1139

Красавица Елена

(изъ Аджарской жизни)

Переводъ съ грузинской повѣсти Н. Дзирели.

СУХУМЪ.
Электро-моторная типографія «Сухумскаго Листка»
1913 г.

XIII-38473
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ

Красавица Елена.

(Изъ жизни Аджарцевъ). *)

I.

Дѣйствіе происходитъ въ селеніи Борчхо-Гонійскаго участка, Батумской области, въ 45 верстахъ отъ г. Батума.

Прекрасно-устроенное шоссе по лѣвому берегу многоводной рѣки Чороха все время идетъ отъ Батума до Борчхи среди чарующей панорамы съ водопадамы, каскадамы и разнообразной растительоостью. Что ни шагъ—многочисленные памятники сѣдой старины, свидѣтельствующіе о высокой культурѣ здѣшняго края въ минувшія времена.

Чорохъ—старѣйшій свидѣтель жизни грузинъ въ Батумской области, называвшейся въ старину „Месхетіей". Не мало горя и страданій приходилось испытывать отуреченнымъ жителямъ этой области, а въ томъ числѣ и жителямъ селенія Борчха, но всѣ они помнятъ своихъ предковъ-грузинъ, исповѣдывавшихъ православную христіанскую вѣру. До сихъ ъръ они говорятъ прекраснымъ узинскимъ языкомъ и до сихъ же ъръ свято чтятъ многіе грузинскіе авы и обычай.

II.

29 лѣтъ тому назадъ въ названомъ борчхинскомъ селеніи стояла грузинская дружина. Начальникъ дружины былъ страстный охотникъ на перепеловъ и потому держалъ при себѣ не мало дрессированныхъ ястребовъ. Одинъ изъ молодыхъ дружинниковъ (родомъ гуріецъ, 20 лѣтъ отъ роду) часто бродилъ по ближайшимъ лѣсистымъ горамъ и ущельямъ для ловли борчхинскихъ ястребовъ, чтобы увеличить разнообразный пернатый штатъ своего начальника.

Этотъ молодой гуріецъ, по имени Лаврентій, оставившій гимназію изъ за безсердечнаго отношенія къ нему со стороны педагоговъ-двадцатниковъ, рѣзко выдѣлялся среди дружины своей молодцоватостью и красивой наружностью. Во время турецкой войны 1878 года, онъ всегда стоялъ впереди бойцовъ, но Богъ хранилъ его отъ вражеской руки. Его сердечное отношеніе къ раненымъ безъ разбора національностей и вѣроисповѣданій вызывало къ нему общее сочувствіе со стороны друзей и враговъ. Многихъ раненыхъ онъ самъ лечилъ, усвоивъ это искусство отъ своей бабушки. Въ мирное и свободное время отъ занятій Лаврентій обучалъ грамотѣ не только своихъ товарищей по оружію, но и мѣстныхъ отуреченныхъ грузинъ, съ которыми онъ скоро завелъ самыя дружественныя отношенія.

Былъ іюнь мѣсяцъ. Въ поискахъ за ястребами, Лаврентію часто приходилось видѣть издали борчхинскихъ женщинъ, работавшихъ на кукуруз-

*) Переводъ съ грузинской повѣсти Н. Дзирели.

ныхъ плантаціяхъ и слышать ихъ заунывное, но стройное пѣніе. Онъ съ грустью смотрѣлъ на мужчинъ, отдававшихъ все свое время охотѣ или игрѣ въ карты въ кофейняхъ. Всѣ полевыя и домашнія работы исполнялись этими труженницами. Видно было, что продолжительное турецкое владычество привило къ грѣшному мужскому населенію деспотическое отношеніе къ прекрасному полу.

III

У Лаврентія было одно излюбленное мѣсто на вершинѣ ближайшаго живописнаго холма, гдѣ онъ отдыхалъ подъ тѣнистымъ деревомъ. Отсюда открывался чудный видъ на всю окружающую природу и на многоводный Чорохъ. Въ особенности онъ любилъ слѣдить за движеніемъ стрѣлой мчавшихся по рѣкѣ каюковъ къ Батуму среди живописныхъ ущелій, переживая вмѣстѣ съ пассажирами одну и ту-же тревогу за ихъ жизнь. И въ самомъ дѣлѣ: одно мгновенье и каюкъ можетъ разлетѣться на щепки отъ удара въ скалу, но судьба ваша въ рукахъ опытныхъ шкиперовъ. Они все время стоятъ у кормы и умѣлой рукой ведутъ судно по волнамъ Чороха, спасая довѣрившихся пассажировъ однимъ поворотомъ руля отъ грозныхъ утесовъ. Гребцы сидятъ спиной къ теченію рѣки и не сводятъ глазъ со своего „Капитана“. Отъ Артвина до послѣдней пристани, устроенной у мѣстности Кабандибы—81 верста. Въ полноводіе каюки дѣлаютъ это разстояніе по теченію Чороха въ 3 часа, а противъ теченія—въ 3 дня.

Нашъ молодой герой весь отдавался мелодичнымъ звукамъ, доходившимъ до него съ кукурузныхъ плантацій и первый разъ почувствовалъ потребность любить и быть любимымъ. Сердце его трепетало и мысленно представлялъ образъ будущей своей героини. Что за видѣніе? Сойдя съ холма и направляясь въ ближайшій лѣсъ, онъ видитъ идущихъ къ нему на встрѣчу двухъ турчанокъ, мирно бесѣдующихъ между собой на чисто-грузинскомъ языкѣ. Завидя его, онѣ сейчасъ же закрыли свое лицо прозрачной черной вуалью и стали на мѣстѣ. Лаврентій, какъ джентельменъ и знатокъ мѣстныхъ нравовъ и обычаевъ, тотчасъ-же сошелъ съ тропы и уступилъ имъ дорогу. Женщины прошли мимо него и молча отвѣсили ему низкій поклонъ. Юноша не сходилъ съ занимаемой позиціи и не отрывалъ отъ нихъ глазъ, любуясь въ особенности граціозной походкой той, которая шла позади—безъ обычной чадры, въ которую турчанки закутываются съ головы до ногъ. Стройный станъ, тонкая талія и кокетливо перекинутые на спинѣ роскошные темно-каштановые волосы говорили объ ея молодости. Одѣта она была въ розовое ситцевое платье, ясно обнаруживавшее прекрасныя формы ея тѣла.

Неожиданно для Лаврентія моло-

дая обернулась къ нему и взглянула на него. Магнитный взглядъ сразу обдалъ его огнемъ страсти. Она опять оглянулась и направила свои взоры къ нему, а онъ все стоялъ, точно пригвожденный къ землѣ. Она третій разъ оглянулась, но при этомъ незамѣтно для своей товарки подняла съ своего лица вуаль и, какъ испуганная лань, остановила на немъ свои жгучіе взоры. Лаврентій только теперь убѣдился въ ея красотѣ. Большіе черные выразительные глаза, черныя брови и румянецъ на бѣломъ лицѣ окончательно очаровали его. Затѣмъ, онъ ихъ потерялъ изъ виду, но образъ красавицы не давалъ ему покоя.

На другой день Лаврентій опять направился къ тому-же холму, гдѣ онъ отдыхалъ наканунѣ. Пристально глядя на борчхское село, онъ все задавалъ себѣ вопросъ: „интересно знать, гдѣ теперь мое блаженство и увижу ли я ее вторично?“

Вотъ именно въ этотъ моментъ, откуда ни возьмись, предъ нимъ, точно изъ земли выросъ молодой турокъ въ гурійскомъ костюмѣ. Звали его Хасаномъ. Хасанъ часто посѣщалъ дружину, наблюдая за ихъ военными упражненіями. Онъ тоже обучался у Лаврентія грузинской грамотѣ. Его прекрасная игра на балалайкѣ всѣхъ слушателей приводила въ восторгъ. Грузинскій языкъ, грузинская грамота и грузинскія пѣсни скоро сблизили отуреченныхъ жителей Батумской области съ грузинскими христіанскими жителями Кутаисской губерніи.

Хасанъ предварительно поздоровался съ Лаврентіемъ, а потомъ сказалъ:

— Лаврентій! можетъ быть, у тебя есть какая нибудь занимательная книга на грузинскомъ языкѣ? Дай, Бога ради!

— Съ удовольствіемъ! Приходи къ намъ и получишь.

— Отчего, Лаврентій, не соберешься къ намъ какъ нибудь въ гости? Приходи, пожалуйста и угостимъ, чѣмъ можемъ!

— Посмотримъ! Только могъ сказать Лаврентій, точно предчувствуя, что Хасанъ изъ того дома, гдѣ живетъ видѣнная имъ красавица.

И, дѣйствительно, Хасанъ, разспростившись съ нимъ, скоро вошелъ въ тотъ домъ, откуда скоро вышла съ открытымъ лицомъ обожаемая имъ особа и въ томъ же розовомъ ситцевомъ платьѣ. Онъ ее узналъ и она его узнала. Приблизившись незамѣтно къ этому дому, Лаврентій видитъ, что она не уходитъ и смотритъ на него ласково.

— Я хочу видѣть тебя послѣ сумерокъ, возлѣ большого камня! Тихимъ, но дрожащимъ голосомъ сказалъ ей. Красавица въ знакъ согласія опустила голову и стрѣлой вошла въ домъ.

Лаврентій счастливъ. Онъ ожидаетъ ее съ трепетомъ сердца, но его страшно волнуетъ мысль, а что, если

она не явится? А что, если она сообщивъ своимъ тайну о свиданіи, захочетъ пролить его кровь? Но онъ не сдастся такъ легко. А что, думаетъ онъ, если она привычна къ такимъ свиданіямъ? А, можетъ быть, она невинна, какъ голубь и чиста, какъ ангелъ небесный? Чего она медлитъ и не хочетъ влить въ его измученное сердце волну счастія и блаженства?

Ночь была очаровательная. По чистому небу неслась полная луна и своими лучами освѣщала волшебную окружающую природу. Съ моря дулъ легкій вѣтерокъ и не давалъ покоя къ отходящимъ ко сну листьямъ гигантскихъ деревьевъ. Порой тишина прерывалась сонным лаемъ собакъ, а Чорохъ, точно любящая няня, шепталъ таинственныя слова окружающимъ его утесамъ.

— Село уже окончило свой ужинъ и пора ему спать! Подумалъ съ тоской Лаврентій и собрался вернуться къ себѣ. Но въ этотъ мигъ онъ разслышалъ торопливые шаги. Онъ остановился. Трудно описать то волненіе, которое охватило все его существо, завидя свою красавицу... При встрѣчѣ 2-хъ сердецъ, связанныхъ искренней любовью, слова останавливаются на устахъ. Ни Лаврентій, ни желанная его гостья, ничего не могли сказать другъ другу. Наконецъ, онъ произнесъ:

— Счастливъ я, что вижу тебя предъ собой! Теперь я убѣждаюсь, что ради любви ты готова идти на всякую жертву.

— Я тоже счастлива! Отвѣтила она дрожащимъ голосомъ. Я вижу, что ты тоже можешь любить и ради нея идти на жертву. Но прежде всего скажи мнѣ, кто ты такой?

— Я сынъ здѣшняго жителя Шербега!

— Значитъ, ты магометанинъ?

— Да, я такой же магометанинъ изъ грузинъ, какъ и ты! А твое имя красавица?—спросилъ Лаврентій.

— Елена!

— Но это имя чисто грузинское!

— Не моя вина, если родители назвали меня этимъ именемъ!

— Я потерялъ покой, сталъ говорить ей Лаврентій, съ того момента, какъ я первый разъ увидѣлъ тебя. Можешь ли ты отдать себя мнѣ навсегда? Клянусь Аллахомъ, что я тебѣ никогда не измѣню!

Сказавъ это взволнованнымъ голосомъ—онъ приблизился къ ней въ лихорадочной дрожи и хотѣлъ обнять ее. Но Елена отстранила его отъ себя и сказала:

— Если ты только любишь Аллаха, не трогай меня. Я хочу невинное мое сердце отдать тебѣ въ невинномъ видѣ тогда, когда мы съ тобой законно соединимся навсегда. У насъ съ самыхъ незапамятныхъ временъ соблюдалась чистота нрава и потому я не хочу измѣнять установленной традиціи, освященной вѣками!

— Прошу прощенія!—сказалъ Лав-

рентій и, ставъ на колѣна, взглянулъ на нее глазами мольбы и помилованія.

— Встань, я не питаю къ тебѣ злобы, но не забывай, что у насъ мужчины не становятся на колѣна предъ женщинами, мы любимъ въ мужчинѣ силу, мужество и имъ подчиняемся беззавѣтно.

— Когда могу я еще видѣть тебя?

— Это отъ тебя зависитъ. Когда захочется повидаться со мною, то дашь выстрѣлъ съ того холма, гдѣ ты отдыхалъ и я явлюсь къ тебѣ на свиданіе, а теперь прощай! И она двинулась торопливо домой.

Лаврентій, возвращаясь къ себѣ, чувствовалъ въ своемъ сердцѣ полное блаженство счастія, но эти блаженныя минуты часто мѣнялись тоской, обвиняя себя въ посягательствѣ на дѣвичью чистоту. „Я звѣрь, звѣрь! Неужели я рѣшался звѣрски воспользоваться невиннымъ сердцемъ? Боже мой! Какъ я далекъ отъ чистой, святой и непорочной любви! Прочь отъ меня эти позорныя мысли и желанія! Вѣдь, если бы это невинное созданіе не напомнило бы мнѣ о священномъ долгѣ каждаго человѣка, я бы поступилъ съ ней по звѣрски. Вотъ, гдѣ корень зла нашей позорной цивилизаціи, не останавляющейся ни предъ какимъ преступленіемъ, ни предъ какимъ безнравственнымъ поступкомъ для достиженія своей преступной цѣли. Я теперь понимаю, что значитъ жить среди дѣвственной природы и среди неиспорченныхъ ея обывателей. Милая моя Елена! Я тебя еще больше люблю, такъ какъ ты первая показала мнѣ средство для облагороженія моего преступнаго сердца!

На третій день послѣ даннаго условленнаго сигнала оба влюбленные опять сошлись на условленномъ мѣстѣ.

— Пора намъ поближе познакомиться другъ съ другомъ, мое блаженство! сказалъ ей Лаврентій.

— Я тоже объ этомъ думала, но моя исповѣдь недлинная: я дочь мѣстнаго „ага“. Отъ роду мнѣ 17 лѣтъ. Отца я лишилась 6 лѣтъ тому назадъ—его убили на войнѣ. Остались сиротами я и мой братъ, Хасанъ. Съ нами живетъ старушка наша мать. Средства наши, слава Богу, достаточны для жизни. Вотъ вся моя исторія!

— Елена! Скажи чистосердечно, чтобы ты сдѣлала, если бы я оказался не магометаниномъ?

— Развѣ ты не магометанинъ?

— Я магометанинъ, но если бы я не былъ имъ?

— Было бы непріятно!

— И разлюбила бы меня?

— Повторяю, было бы непріятно, но... разлюбить тебя я не могу!

— Тогда я долженъ признаться, что я грузинъ-христіанинъ изъ Гуріи.

— Ой, ой! Значитъ, ты гяуръ? Почему ты меня обманулъ? Впрочемъ,

любовь не знаетъ разницы въ религіи! Если бы даже ты былъ іудеемъ, все равно я не перестала бы любить тебя, хотя пріятнѣе было бы, если бы ты не былъ гяуромъ!

— А почему ты называешь грузинъ-христіанъ гяурами?! Вѣдь, ты, должно быть слышала, что во время оно теперешніе отуреченные грузины были христіанами и имѣли близкое отношеніе съ остальными грузинами. Когда-то эти теперешніе отуреченные грузины вмѣстѣ съ нашими христіанами-грузинами вели мужественную и ожесточенную войну съ тѣми врагами, которые шли противъ нашей вѣры, нашего языка, нашей родины и нашей свободы, защищая ихъ до послѣдней капли своей крови. Съ береговъ Чернаго моря до Каспійскаго простиралось славное грузинское царство, которое за 600—700 лѣтъ тому назадъ считалось сильнѣйшимъ государствомъ. Но послѣ смерти славной грузинской царицы Тамары, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, зависти другъ къ другу и усиленной вражды между собой, это царство пришло въ упадокъ и раздѣлилось на нѣсколько царствъ. Этимъ воспользовались турки, окружили Грузію и послѣ долгихъ кровопролитныхъ сраженій захватили Аджарію, Кобулеты, Джавахеты, Ахалцихскій районъ, Ливанъ, Шавшетію и пр.; многихъ они истребили, а остальныхъ разлучили со своими братьями-грузинами, а потомъ огнемъ и мечомъ отуречили ихъ. Сегодня же вся эта Месхетія, которая когда-то явилась колыбелью грузинскаго просвѣщенія и грузинскаго языка, въ рукахъ русскихъ, въ рукахъ единовѣрцевъ и, благодаря имъ, снова установлена духовная связь между нами и между вами.

— Развѣ я это не знаю? Я хорошо изучила грузинскую грамоту. И теперь я читаю книги на родномъ грузинскомъ языкѣ. Моему брату, Хасану, какой-то благодѣтель грузинъ, Лаврентій, часто даетъ грузинскія книги для чтенія и я ихъ читаю съ большимъ удовольствіемъ. Я не оставляю безъ чтенія ни одной книги, принесенной мнѣ братомъ. Я очень, очень благодарна этому гурійцу. Ты знакомъ съ нимъ?

— Этотъ Лаврентій сейчасъ стоитъ передъ тобой!

— Да благословенно будетъ имя Господне! Милый, хорошій мой. Знаешь, о чемъ тебя попрошу, мой Лаврентій? Похити меня какъ нибудь и возьми меня въ Гурію и тогда я буду твоей до самой могилы... Я надѣну мужской костюмъ и поѣду съ тобой... Это не трудно... Я очень хочу видѣть Гурію и всѣ части Грузіи.

— А что сдѣлаешь ты со своей матерью?

— Мать? Да что съ ней сдѣлать? Она не поѣдетъ съ нами, она страшная фанатичка. Сначала она погорюетъ немного о моемъ похищеніи,

а потомъ забудетъ и предоставитъ свою судьбу волѣ Аллаха.

— Послѣ завтра, моя дорогая, я опять приду и скажу окончательный отвѣтъ.

Съ этими словами Лаврентій попрощался съ ней и вернулся къ себѣ. Елена же, придя домой, стала думать: „грѣшно оставить свою мать и Богъ не проститъ мнѣ этотъ грѣхъ. Что мнѣ дѣлать, на что рѣшиться? Если я не поѣду въ домъ Лаврентія, меня ожидаетъ переселеніе въ Турцію, разлука съ родиной и смерть на чужбинѣ. Къ моему несчастію, родственникъ моей матери (вѣроучитель по профессіи) всѣ мѣры принимаетъ къ нашему переселенію въ Турцію. Нѣтъ, лучше ѣхать съ Лаврентіемъ на его родину и тамъ жить съ нимъ. Захочу, онъ мнѣ можетъ показать и мою родину. Но, вѣдь, я магометанка, а онъ христіанинъ. Какимъ образомъ можно совершить наше бракосочетаніе?

Да и Лаврентій предчувствовалъ какое-то несчастіе. Хорошо, я могу совершить похищеніе Елены, но узнаютъ родственники и односельцы ее, непремѣнно убьютъ и меня и ее. Это неразумно. Что мнѣ дѣлать? Неужели я долженъ разстаться съ ней и навсегда задавить свое сердце холодной каменной плитой? Все равно, я ее не могу забыть. Сладкій голосъ Елены и теперь раздается въ моихъ ушахъ. Нѣтъ, я не остановлюсь ни предъ какими жертвами. Я посвящу въ эту тайну моихъ товарищей, соберу изъ нихъ 10 самыхъ отборныхъ молодцовъ и учиню похищеніе ее. Такъ лучше будетъ. А тамъ посмотримъ, что будетъ. Умереть, такъ вмѣстѣ умереть; жить, такъ вмѣстѣ жить“.

Спустя нѣкоторое время, получается отъ высшаго начальства приказаніе о переводѣ Гурійской дружины въ Мургульское ущелье, срокомъ на 3 мѣсяца, а потомъ снова вернуться на прежнюю стоянку въ Борчху. Такое приказаніе громомъ поразило Лаврентія. Онъ съума сходитъ. Еще одна ночь осталась до выступленія дружины изъ Борчхи. Вечеромъ онъ является на свиданіе для прощанія съ Еленой.

Елена не весело встрѣтила своего милаго, такъ какъ откуда-то она узнала объ выступленіи гурійцевъ въ Мургульское ущелье.

— Черезъ мѣсяцъ я обязательно пріѣду, моя дорогая Елена и я приведу въ исполненіе наше общее желаніе! успокаивалъ ее Лаврентій.

— Мой, дорогой Лаврентій. Сердце мнѣ говоритъ, что для меня скоро померкнутъ солнце и луна и я больше не увижу тебя?

— Господь да сохранитъ тебя отъ смерти!.. Живи, бодрись, не измѣню я тебѣ клянусь Творцомъ, клянусь нашей святой любовью? Если я тебѣ измѣню, пусть проглотитъ меня земля и не видать мнѣ счастія.

— Я вѣрю тебѣ. И я не забуду

тебя до послѣдней минуты моей жизни, но такъ какъ жизнь человѣка виситъ на волоскѣ, то хочу на память дать тебѣ нѣкоторыя вещи. Если не суждено будетъ мнѣ увидѣть тебя, то эти вещи будутъ напоминать тебя страстно-любящую тебя несчастную твою Елену!

Сказавъ это, Елена выдернула съ головы нѣсколько волосъ, потомъ отрѣзала ноготъ съ своего мизинца и завернула его въ волосахъ. Все время она плакала, пока совершала эту операцію, а потомъ завернувъ ихъ въ кусокъ матеріи, вынутой изъ своего кармана, передала Лаврентію. Лаврентій дрожащими руками взялъ этотъ подарокъ и спряталъ въ карманъ. Несчастный юноша не въ силахъ былъ произнести ни одного слова и первый разъ за все время своей жизни зарыдалъ предъ ней, какъ ребенокъ.

Оба они разстались со слезами. Оба они точно предчувствовали, что больше не увидятъ другъ друга.

Не прошло и недѣли послѣ этого, какъ среди жителей сел. Борчхи началось какое-то необычайное движеніе, какіе-то таинственные переговоры. Пріѣхавшіе изъ Константинополя вѣроучители стали именемъ Аллаха проповѣдывать населенію бросить свою родину и переселиться въ Турцію. Пріѣхавшіе вѣроучители подкупали мѣстныхъ вѣроучителей. Послѣдніе, пользуясь своимъ вліяніемъ, рисовали жизнь на чужбинѣ съ самой привлекательной стороны. Раньше всѣхъ они вскружили голову своимъ родственникамъ. Въ этомъ отношеніи больше всѣхъ отличался вѣроучитель—родственникъ матери Елены.

— „Ѣдемъ, ѣдемъ въ Турцію къ Паши-Шаху. Тамъ насъ примутъ съ распростертыми объятіями. Здѣсь одинъ кромѣшный адъ, а тамъ настоящій рай. Покинемъ гяуровъ. Подымитесь, правовѣрные, подымитесь скорѣе. Это велитъ самъ Аллахъ и переселяйтесь въ Турцію!“

Вотъ проповѣдь фанатиковъ-вѣроучителей и ихъ клевретовъ.

Но между отуреченными грузинами были и такіе благоразумные, которые отлично понимали истину, высказанную опытными мудрецами:

— „Нельзя измѣнять своей родинѣ, хотя чужая страна являлась бы райскимъ уголкомъ“.

Поэтому такіе благоразумные жители принимали всѣ мѣры, чтобы пріостановить народное движеніе и заставить ихъ отказаться отъ переселенія изъ своей родины въ чужую, невѣдомую землю, куда они стремились, точно ихъ ожидало какое-то невѣдомое счастіе, невѣдомое блаженство.

И, дѣйствительно, многіе отказались отъ такого переселенія, но многіе, фанатизированные вѣроучителями, рѣшили во что бы ни стало переселиться въ Турцію. Къ числу послѣднихъ переселенцевъ принадлежала и

мать Елены, страшно упрямая, самолюбивая и находившаяся въ полномъ подчиненіи своего фанатика-родственника. Она уговорила и своего сына Хасана ѣхать съ ней въ Турцію. Собственно говоря, Хасанъ не хотѣлъ окончательно оставить родину, а думалъ поѣхать въ Турцію, разузнать условія жизни прежнихъ переселенцевъ, узнать ожидаемое ихъ блаженство, на которое указывали вѣроучители, а потомъ вернуться на родину и сообщить своимъ односельцамъ, на что именно рѣшиться, но злая фурія его мать не давала ему покоя и требовала ѣхать съ ней.

Несчастная Елена долго уговаривала со слезами свою мать отказаться отъ своего намѣренія, упрашивала объ этомъ и своего брата, но старая вѣдьма оставалась при своемъ.

Всего оставалась одна ночь, чтобы проститься съ дорогой своей родиной, а на другой день, рано утромъ надо было сѣсть на каюкѣ и окончательно разстаться съ тѣми дорогими для ея сердца мѣстами, гдѣ первый разъ зажглась любовь у бѣдной Елены.

Елена лежитъ на тахтѣ, не спитъ и нѣжная луна смотритъ ей прямо въ глаза и въ лицо. О, сколько отчаянныхъ мыслей пронеслось по головѣ Елены въ эту ужасную ночь. Она не находила никакого исхода для излѣченія изрѣзаннаго на куски своего сердца и вся горѣла въ какой-то предсмертной агоніи. Только одна луна, являлась свидѣтельницей ея нѣмыхъ сердечныхъ страданій, ея душевной тревоги. Проходя порой черезъ темныя тучи, она покрывалась темнымъ саваномъ, не желая показать свои слезы несчастной Еленѣ. Наконецъ, она обратилась къ ней со слѣдующими словами: „въ одно время я и солнце наслаждались одной любовью. Солнце являлось моимъ мужемъ, а я его женой. Вотъ эти мелькающія звѣзды—всѣ наши дѣти. Но какой-то неожиданный ударъ судьбы разлучилъ насъ и мы съ тѣхъ поръ живемъ врозь. Разгнѣванное солнце днемъ шествуетъ одиноко по обширному небесному куполу, а я, убитая разлукой, шествую по ночамъ съ осиротѣвшими моими звѣздами по тому-же куполу. Бываютъ дни, когда и я показываюсь днемъ по этому куполу, но между мною и солнцемъ нѣтъ прежней связи. Не бойся, Елена, твоей участи, смѣло встрѣчай твою судьбу и если умѣешь въ борьбѣ съ этой безжалостной судьбой, умри, какъ герой“. Елена не отрывала глазъ отъ этой луны и въ ея словахъ находила какое-то утѣшеніе.

Пропѣли пѣтухи и дали знать сонной землѣ о приближеніи дня. Она не спитъ. „Свѣтаетъ!“ только она могла произнести. А потомъ прибавила: „Настаетъ для меня послѣднее несчастное утро. Нѣтъ, я должна рѣшиться на такое дѣло, о которомъ всѣ должны заговорить. Я сожгу сердце моей матери и моего брата,

какъ они сожгли мое сердце. А Лаврентій? Бѣдный Лаврентій! Неужели и ты забудешь меня?"

Переселенцы сидятъ на каюкѣ и волны разбушевавшагося Чороха, грозно смотрящаго на переселенцевъ, покидающихъ свою милую родину, стрѣлой несутъ ихъ по направленію къ Батуму. Солнце только что взошло и золотыми своими лучами цѣлуетъ, обнимаетъ Аджарскія горы и ущелья, точно поздравляетъ ихъ съ наступленіемъ дня. Оно цѣлуетъ и несчастныхъ переселенцевъ, измѣнившихъ ему на чужое солнце чужую родину. Роса еще не сходила съ травъ и душистыхъ цвѣтовъ, горя отъ солнечныхъ лучей цвѣтами алмаза. Скоро послышался и хвалебный гимнъ пернатаго царства. Всѣ поютъ, всѣ веселятся, только Елена не участвуетъ въ общемъ весельѣ и горитъ ее сердце всепожирающимъ пламенемъ огня. Только она въ это утро самая несчастная изъ всего созданія. Она только теперь чувствуетъ свое одиночество. Отъ нея всѣ отказались. Сидитъ и со слезами на глазахъ смотритъ на то дорогое и милое село, гдѣ она провела свою молодость, гдѣ она первый разъ услышала отъ любимаго человѣка первыя слова любви и гдѣ она первый разъ испытала блаженныя минуты этой любви. А сегодня? Сегодня она разстается на всегда съ этимъ дорогимъ селомъ, разстается съ человѣкомъ, который любитъ ее и который первый разъ выучилъ ее гимну святой любви. Зачѣмъ ей жить на чужбинѣ? На что ей чужое небо, чужая земля, чужой воздухъ?

Вотъ уже исчезаетъ послѣднее очертаніе дорого родного гнѣзда. Исчезаютъ родныя поля, горы и ущелья. Еще одна минута и болѣе ихъ не увидитъ.

Что случилось? Вдругъ одна свирѣпая волна Чороха такъ сильно ударилась о каюкъ, что чуть его не перевернула со всѣми пассажирами.

— Ахъ, какое счастіе, какое блаженство! мысленно произнесла Елена. Это должно быть прощальный поцѣлуй моего дорогого Лаврентія. Вѣроятно, онъ почуялъ мою предсмертную агонію и хотѣлъ дать мнѣ прощальный поцѣлуй. Милый мой, хорошій мой! Я сейчасъ отвѣчу тебѣ такимъ-же страстнымъ поцѣлуемъ, но можетъ-ли Чорохъ вручить тебѣ этотъ поцѣлуй? Какая я несчастная, что даже не могу вернуть поцѣлуя. Ну, что дѣлать. Прощай, милая моя родина! Прощай, милый, мой Лаврентій! Прощай мое счастіе, мое блаженство! Прощай моя жизнь, такъ безвременно лишившая меня счастья?

Еще одинъ и послѣдній взглядъ на дорогую родину и Елена къ ужасу пассажировъ поднимается и бросается въ бушующія волны Чороха. Чорохъ сначала страстно обнялъ свою жертву, а потомъ опрокинулъ ко дну. Коюкъ былъ остановленъ и долго то къ одному, то къ другому берегу

приставалъ, но все напрасно. Жертва исчезла. Черезъ нѣкоторое время грозная рѣка, убѣдившись въ своемъ ужасномъ преступленіи, выбросила бѣдную Елену на небольшой островокъ.

Мать и ея сынъ забрали несчастную утопленницу обратно, домой и похоронили ее на любимой ею родинѣ. Теперь только злая старуха поняла свою ошибку, проливала горькія слезы, но уже было поздно. На третій день строптивая вѣдьма все таки направилась съ сыномъ въ Батумъ, а оттуда въ Турцію.

Случившееся несчастіе скоро дошло до свѣдѣнія Лаврентія. Онъ сейчасъ же взялъ отпускъ у начальника по болѣзни и помчался въ Борчху. Здѣсь одинъ мальчикъ указалъ ему могилу злополучной его Елены. Въ первую же ночь онъ явился къ святой могилѣ, опустился предъ ней на колѣна, скрестилъ руки на измученной своей груди и положилъ голову на могилу, долго, долго рыдалъ надъ ней жгучими слезами. Небо было покрыто черными тучами, Чорохъ ревѣлъ, какъ преступникъ страшнаго злодѣянія, а окружающая природа задумчиво внимала безутѣшнымъ словамъ Лаврентія.

Черезъ 3 мѣсяца Гурійская дружина снова вернулась въ Борчхъ на свое прежнее мѣсто. Теперь Лаврентію предоставлялась возможность чаще бывать у святой могилы и облегчать слезами свое горе. Въ мартѣ онъ посѣялъ сѣмена разновидныхъ цвѣтовъ надъ этой могилой, а въ маѣ душистые цвѣты склонялись къ бѣдной Еленѣ. Скоро близъ могилы повадился и соловей. Этотъ пѣвецъ любви и скорби до самой зари воспѣвалъ въ дивныхъ своихъ пѣсняхъ несчастную любовь, а Лаврентій, слыша этотъ дивный гимнъ посылалъ ему мысленно свою горячую благодарность.

Прошло 2 года со времени смерти Елены. Лаврентій уже окончилъ срокъ своей службы и уже собрался вернуться на родину къ своимъ престарѣлымъ родителямъ. Наканунѣ выѣзда, онъ еще разъ явился къ могилѣ Елены, чтобы проститься съ ней и еще разъ оросить ее своими слезами. Вотъ въ это именно время предъ нимъ является одинъ молодой человѣкъ.

— Что привело сюда, мой братъ тебя? спросилъ его Лаврентій.

— Не узналъ меня, Лаврентій?

Ахъ, это ты, Хасанъ?

И давнишные знакомые бросились обнимать и цѣловать другъ друга.

— Я любилъ твою сестру, Елеву! Смѣло сказалъ Лаврентій, Хасану. Я сегодня пришелъ проститься съ ней, чтобы завтра выѣхать на родину.— Ну, какъ твое здоровье? Когда вернулся? сядь, да разсказывай все.

— Сейчасъ, дорогой братъ! Сядь и ты и выслушай меня. Вѣроучитель Али былъ родственникомъ моей матери и этотъ безсердечный человѣкъ

сталъ приставать къ намъ, чтобы мы переселились въ Турцію. Къ несчастію, моя мать всегда рабски подчинялась его совѣтамъ. Если я согласился ѣхать съ матерью, то имѣли ввиду благосостояніе своихъ односельцевъ, чтобы доставить имъ вѣрныя свѣдѣнія о жизни прежнихъ переселенцевъ.

Мать моя была наказана Богомъ и скончалась съ горя въ Трапезундѣ. Я же наглядно удостовѣрился въ Турціи, какъ безсовѣстно обманывали насъ, наши вѣроучители. Они тамъ сулили намъ счастіе и блаженства, а въ мѣсто этого мы попали въ настоящій адъ.

Какъ только мы очутились первый разъ на турецкой землѣ, то всѣ на насъ стали смотрѣть подозрительными глазами, не стѣсняясь говорить при насъ же: „откуда вышли эти безумцы и куда попали? Зачѣмъ они оставили свою родину и пришли сюда? Тутъ и намъ мало земли, а имъ гдѣ жъ посѣлиться?“ Турки не допускали насъ къ себѣ и ни въ чемъ не довѣряли, греки относились къ намъ съ такимъ же презрѣніемъ, а армяне подымали насъ на смѣхъ. Кое какъ отвели намъ землю, но какую? Никуда не годную. Многіе остались даже безъ всякой земли и, чтобы не умереть съ голоду, пошли наниматься въ работники. Кромѣ того на чужой землѣ климатическія условія оказались ужасными. Пошли болѣзни, пошла смертность. О врачебной помощи или о людяхъ, сочувствующихъ намъ нечего было и говорить. Всѣ отъ насъ, голяковъ, отворачивались. Въ особенности досталось нашимъ дѣтямъ. Умирали они какъ мухи. Наши предатели-вѣроучители куда-то попрятались, оставивъ насъ безъ помощи, безъ руководительства. Проклятъ тотъ годъ, тотъ мѣсяцъ, тотъ день и часъ, проклята и та минута, когда у насъ первый разъ родилась мысль объ оставленіи нашей родины и о переселеніи въ Турцію. Не даромъ говорятъ: „лучше каятся въ началѣ, чѣмъ подъ конецъ. Я кое какъ нашелъ мѣсто слуги у одного богатаго купца, у котораго пробылъ цѣлый годъ и вмѣстѣ съ которымъ я объѣхалъ всю Европу. Во всякомъ случаѣ, я болѣе не являюсь кровнымъ врагомъ христіанъ. Я понялъ, что въ дѣлѣ просвѣщенія и во всѣхъ вопросахъ жизни европейцы занимаютъ первое мѣсто. Они своимъ умомъ и разсудительностью стоятъ выше всѣхъ народностей. Я понялъ также, что кто отворачивается отъ просвѣщенія, тотъ преждевременно роетъ себѣ могилу. Къ сожалѣнію, мою сородичи непонимаютъ этой истины. Я на яву и во снѣ мечталъ снова увидѣть мою родину. Я не выносилъ турецкой земли, тамошняго мрачнаго неба, тамошней мутной воды и въ особенности тамошнихъ жителей. Я мечталъ страдать и умереть на родинѣ и здѣсь быть похороненнымъ. Всѣ эти мечты,

наконецъ, сбылись. Проклялъ Турцію и явился на родину. Правда, сначала меня преслѣдовала мысль, что я, продавъ на родинѣ все свое имущество, какъ могу снова начать свою жизнь, но я надѣялся, что честнымъ трудомъ я возьму все потерянное.

Меня обуяла такая радость, когда я впервые снова увидѣлъ контуры родныхъ Аджарскихъ горъ, что ты не можешь представить себѣ. Я не вѣрилъ, что я ихъ вижу. Сердце почуяло свою родину и стало биться учащенно, точно ссыльный, возвратившись на родину послѣ многолѣтней каторжной жизни. Знакомый родной вѣтерокъ снова охладилъ мою разгоряченную голову и всѣ раны, нанесенныя мнѣ жизнью на чужбинѣ, точно разомъ были сняты съ меня. Я забылъ всѣ перенесенныя мученія и невзгоды и упивался ожидающимъ блаженствомъ. Радовался, что могу найти дорогую могилу моей сестры, предъ которой я тоже являюсь виновникомъ ея преждевременной гибели. Когда я высадился въ Батумѣ съ парохода на сушу, то, можетъ быть, ты не повѣришь, съ благоговѣніемъ сталъ на колѣна и 10 разъ поцѣловалъ родную землю. И такъ, съ Божіей помощью, теперь я живу на родинѣ. Считаю себя счастливцемъ, что живу подъ небомъ этой святой родины. Лучше родины кромѣ Создателя ничего нѣтъ во всей вселенной. Теперь, прошу тебя, Лаврентій, дать другъ другу присягу въ дружбѣ и вѣрности и никогда не измѣнять такой дружбѣ. Да пошлетъ тебѣ Аллахъ свое благословеніе за то, что ты такъ внимательно отнесся къ могилѣ моей несчастной сестры!

— Съ удовольствіемъ, мой добрый Хасанъ. Считай меня своимъ неизмѣннымъ и преданнымъ другомъ. Твоей дружбой я тѣмъ болѣе буду дорожить, что твой образъ будетъ напоминать образъ того существа, котораго я такъ искренно любилъ и которое такъ скоро покинуло меня на постоянное страданіе. Ѣдемъ завтра въ мое село... Прошу и въ будущемъ не отнимать у меня возможности заботиться о могилѣ усопшей твоей сестры Елены. Пока живъ, пока бьется кровь въ моихъ жилахъ я ее не забуду!

Печальная исторія и судьба моей несчастной сестры, сказалъ Хасанъ, долго будетъ жить въ Грузіи. Она жертва ошибокъ отуречившихъ грузинъ и ихъ ложной надежды на лучшее. Многіе грузины съ искреннимъ сожалѣніемъ будутъ вспоминать преждевременную смерть Елены. Вспомнятъ ее и тѣ несчастные наши родные братья-грузины, которые теперь въ Турціи претерпѣваютъ всѣ невзгоды и, которыя умирая на чужбинѣ, лишены наполнить свою могилу родной землею. На мнѣ лежитъ святая обязанность открыть глаза остающимся отуреченнымъ грузинамъ и проповѣдывать имъ, чтобы они не

разставались со своей родиной, если они не желаютъ преждевременной гибели.

На другой же день Хасанъ и Лаврентій отправились въ Грузію.

Теперь Хасанъ считается хозяиномъ солиднаго имѣнія. Онъ живетъ на своей родинѣ и въ домѣ своихъ отцовъ и предковъ. Трудъ и опытъ жизни дали ему возможность устроить свою жизнь очень хорошо. Онъ теперь любитъ играть на балалайкѣ Онъ частый и желанный гость для собранія. Онъ пользуется большимъ уваженіемъ своихъ односельчанъ и всѣхъ отуреченныхъ грузинъ. Среди христіанскихъ жителей Гуріи, Имеретіи, Мингреліи и Грузіи у него много знакомыхъ съ уваженіемъ относящихся къ нему. Хасанъ часто напѣваетъ пѣсни на своей балалайкѣ о жизни прежнихъ грузинъ, объ отуреченіи грузинъ Батумской области и о томъ, что эти однородныя, но разрозненныя народности, начинаютъ понимать другъ друга и сольются въ одно, такъ какъ у нихъ одинъ и тотъ же грузинскій языкъ, этимъ языкомъ они всѣ хвалятъ Бога и этимъ же языкомъ будутъ пользоваться ихъ дѣти и дальнѣйшее ихъ потомство.

К. Д. Мачаваріани.